

От словотворчества
к словостроительству:
машины письма,
индустриализация
чтения и дискурсивная
инфраструктура
авангарда

Павел Арсеньев

Павел Арсеньев. Eur'Orbem, Sorbonne Université, Париж, Франция, lartpaulars@gmail.com.

Начиная с XIX века газеты способствовали демократизации и индустриализации чтения, а между сторонниками этих процессов и литературами, преданными «деавтоматизации» языкового производства возникает все более отчетливый фронт. Многие авторы конца XIX — начала XX века даже определение поэтического языка выстраивают по контрасту или резонансу с газетным. Так, Стефан Малларме утверждает, что поэзия в языке существует повсюду, где есть ритм, «за исключением четвертой полосы газет». Гертруда Стайн делает ритм телетайпа технологическом бессознательном литературной техники «потока сознания», но при этом продолжает называть «время газет» ложным, а наконец Эзра Паунд определяет стихи как «новости, всегда остающиеся новостями», тем самым также выдавая противостояние своей поэтологии работе ротационного прессы. Только Боб Браун — близкий к авангардным кругам журналист — предлагает индустриализовать чтение и для этого предлагает «некийдвигающийся зрительный аппарат», который вместе с тем должен изменить и природу литературного творчества, адаптировав его к этому самому аппарату. Это делает его ближе всего к советской индустриальной революции языка, в рамках которой газетный язык перестанет быть конститутивной антитезой литературного, а сама жанровая и медиальная форма газеты становится «нашим эпосом» (Сергей Третьяков). В первой из статей цикла, посвященных дискурсивной инфраструктуре, рассматривается вопрос о том, можно ли «специфицировать» газетную речь и реабилитировать словесную механизацию как дискурсивное следствие индустриальной современности, в рамках поэтологии западно-европейского модернизма.

Ключевые слова: *газета; модернизм; Стефан Малларме; Гертруда Стайн; Боб Браун.*

От «духовного инструмента» к «некоему двигающемуся зрительному аппарату»: Малларме, Стайн, Браун в дискурсивной инфраструктуре модернизма

«Зачем писать стихи, если это не меняет жизнь», задавал вопрос себе и всем своим будущим читателям Артур Рембо. Мы хотели бы видоизменить эту формулу и задаться вопросом: «Зачем менять жизнь, если это не меняет способов письма и чтения?» Если быть точнее, нас будет интересовать, в каких отношениях находятся революционная трансформация жизни (жизнестроительство) с перестройкой аппарата языкового выражения и восприятия (словотворчество).

В буржуазном искусстве разговор об экспериментальной литературе чаще всего сводится к формулировке «революция языка». Индивидуальный предприниматель в сфере лингвистического бриколажа не может рискнуть помыслить трансформацию всего аппарата литературного производства и потребления и потому приторговывает синтаксическим скандалом в розницу. С начала модернизма по обе стороны Атлантики возникают многочисленные кружки и журналы — частные предприятия, конкурирующие за внимание скучающей публики и скандализирующие ее отсутствием рифм, прямого порядка слов или знаков препинания (хотя все это *всегда-уже* было), а также стремящиеся запатентовать первенство своих резиньяций (всегда рискующих залежаться)¹. Дальше всего в этом ремесле скандализации буржуазной публики, как известно, зайдет заумная поэзия, отказавшаяся от понятийного языка вообще и пришедшая к чистой глоссолалии. Во всех подобных случаях «революционеров языка», как правило, не интересует, действительно ли революционизирована их языковыми отправлениями аудитория, как и где она вообще сталкивается (если сталкивается) с ними, каков масштаб этой аудитории и т. д. Отсюда в конце концов и отсутствие интереса к технике (распространения) и полная сосредоточенность на своем кустарно устроенном ремесле. Ведь если бы такой революционер языка обратил внимание

1. Подробнее о хронологии и географии этих предприятий см. к примеру: Фещенко В. Трансатлантический авангард. Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

на индустриальный контекст своей деятельности, то он уже вынужден был бы принять во внимание необходимость революции более широкой технологической инфраструктуры².

Впрочем, после Октябрьской революции русскому футуризму выпадает шанс воплотить самые смелые замыслы «революции языка»³ в индустриальных масштабах, перейти от самоупоенного *словотворчества* к *словостроительству*⁴. Художественный авангард отличается от модернизма тем, что всегда обращается к социальной и технической революции, и в случае совпадения во времени не пугается ее, а растворяется в ней вместо того, чтобы стремиться к самосохранению в истории искусства/литературы⁵. Однако в данном эссе мы сосредоточимся на анализе отношения к такому материально-техническому объекту, как газета как раз в западном модернизме.

о. Почтовые лошади Просвещения и индустриальная литература

От Гутенберга и до французских энциклопедистов всякая новая материальная инфраструктура распространения знаков допускала (но не гарантировала) появление их оригинальных комбинаций, равно как и перестройку общественных отношений. Изменение строя слов могло приводить к изме-

2. Как это показывает, в частности, книга: *Арватов Б.* Искусство и производство. М.: V-A-C Press, 2018.

3. Впервые на русском языке это выражение появляется у Винокура, см.: *Винокур Г.* О революционной фразеологии. Один из вопросов языковой политики // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 106. О фразеологических вариациях между «революцией в языке» и «языке революции», см. главу «Поиски совершенного языка в советской культуре» в: *Арсеньев П.* Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов. М.: НЛЮ, 2023. С. 44–57.

4. Обращаясь к хорошо известной интриге перехода русской литературы и общественной мысли от *богословства* (Серебряный век) к *богостроительству* (Александр Богданов, Анатолий Луначарский и другие), а также пересекающейся (но не совпадающей) с ней истории отказа авангардной поэзии от репрезентации в пользу *словотворчества* (в диапазоне от отдельных окказионализмов к абсолютной нетранзитивности зауми), мы хотели бы предложить термин *словостроительство* для периода позднейшей эволюции авангарда в ходе индустриализации и перестройки быта – термин, обозначающий схожие процессы в области языкового производства.

5. Вторая статья цикла, посвященная советскому авангарду: *Арсеньев П.* От словотворчества к словостроительству: Винокур, Платонов, Третьяков в дискурсивной инфраструктуре авангарда // Новое литературное обозрение. 2022. № 1 (173). С. 34–61.

нению строя жизни, но это не было, как мы увидим, чисто когнитивной операцией, завоеванием мысли или «революцией языка». Всякий новый способ мыслить опирался на новые медиатехники. Материальное бытие означающего *определяло сознание* пользователей.

Дидро в «Письмах о книжной торговле» защищает издательские привилегии, необходимые для продолжения издания его «Энциклопедии»⁶, но также одним из первых рассуждает о необходимой для этого материальной инфраструктуре: среди цветущей сложности ремесел перечисляются мастерство по производству бумаги, шрифтов, чернил, медных пластин для гравюр и кожи для переплета⁷. На фоне отмечаемого им растущего цехового самосознания типографских рабочих Дидро удается обнаружить материальность культурного производства, переворачивающую теоретические отношения между «буквой и духом».

Значительно позже Режи Дебре будет критиковать Просвещение как идеологию беспрепятственного распространения сигнала в эфире, но его собственный проект медиологии будет наследовать просветителям как минимум в том, что тоже реабилитирует механические искусства (*arts mécaniques*), всегда уступавшие в значимости свободным (*arts libéraux*)⁸. Во всех случаях обсуждения революционных идей Просвещения медиологию будут больше интересоваться библиотеки, чем литература, скорее места встреч, чем общие места (*lieux communs*)⁹, разносчики, а не авторы газет. Просвещение в таком ракурсе предстает не корпусом идей, дискурсов или принципов, а системой фабрикации, циркуляции и хранения знаков, узлами и сетью социальности, новыми ритуалами и логистикой, без которых эти, как и никакие другие символы, не обрели бы плоть.

Это довольно частый в гуманитарных науках поворот к условиям производства значения можно продолжить другими примерами¹⁰. Если в своей книге «Слова и вещи» Ми-

6. См. подробный разбор институциональной политики и легальных требований издателя Энциклопедии в: Арсеньев П. Не продается, но можно // Неприкосновенный запас. 2018. № 1 (117).

7. Дидро Д. Письмо о книжной торговле. М.: Grundrisse, 2017. С. 97.

8. Debray R. Manifestes médiologiques. P.: Gallimard, 1994.

9. См.: Компаньон А. Теория общего места // #12 [Транслит]: Очарование клише. СПб., 2012.

10. Общая направленность которым, вероятно, впервые была дана сборником: Gumbrecht H. U., Pfeiffer K. L. (eds). Materialities of Communication. Stanford: Stanford University Press, 1994. См. обзор подобных методологий: Арсеньев П. Новых медиа не было // Кинема. 2021. № 2. С. 160–171.

шель Фуко показывает, какие дискурсивные конструкции организовывали знание классической эпохи, то наследующий его проекту Фридрих Киттлер вынужден признать, что Фуко не обнаружил в своем археологическом предприятии ничего влиятельнее алфавита и оказался нечувствителен к материальности архива, почему и вынужден был закончить свое исследование примерно там, где начинают появляться иные техники передачи информации (их и поставит в центр своих изысканий сам Киттлер)¹¹. В свою очередь, Юрген Хабермас определяет Просвещение как более эмпирический феномен (во всяком случае не сводящийся к дискурсивности) одновременно наследующий трансцендентальной философии Канта, и его «свободно употребляемому разуму», существующему теперь в технической инфраструктуре печатной прессы, и повседневной обстановке кафе и других институтов буржуазной публичной сферы¹². Однако еще одному медиаархеологу Бернару Зигерту удастся показать, насколько идеалистичны даже эти добродетели либерально понятого гражданства и что ни одна технология — включая прессу или почту — не существует как таковая для упражнения свободными гражданами своего ума и всегда подразумевает те или иные контракты и протоколы¹³.

Таким образом, даже понятие «общественного мнения», этого наиболее знаменитого и наиболее нематериального изобретения Просвещения, оказывается расщепленным эпистемологически: называющие себя материалистами философы вроде Николя де Кондорсе рассуждают о разуме, действующем на расстоянии, и борьбе идей, что приводит к торжеству истины в социальных вопросах так же, как в математике, а вот журналисты и другие медиатехнические специалисты занимаются, скорее, сбором эмпирического материала на улицах и исследуют среды и опосредования¹⁴.

11. «Фуко рассматривал дискурсивные правила как всеобъемлющие и поэтому игнорировал технологии. Но именно инновации в информационных технологиях создали специфику дискурсивной сети 1900 года, отделив ее от трансцендентального знания» — Kittler F. *Gramophone, Film, Typewriter*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 278.

12. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016.

13. Siegert B. *Switchboards and Sex: The Nut(t) Case//Inscribing Science: Scientific Texts and the Materiality of Communication*/T. Lenoir (ed.). Stanford, CA: Stanford University Press, 1998. P. 78–90.

14. Об этом см.: Дарнтон Р. *Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века*. М.: Новое литературное обозрение, 2016, а также рецензию: Арсень-

Отношения между публичным применением разума и материально-институциональными ограничениями (*constraints*) печати стали более четко оформляться начиная с XIX века — а вместе с ними профилировались и отношение между литературой и прессой. Уже в 1831 году поэт и политический деятель, принадлежащий к партии «газет и железных дорог», констатирует:

Человечество пишет свою книгу день за днем, час за часом, страницу за страницей; мысль распространяется в мире со скоростью света — как только зарождается, записывается и оказывается услышана, <...> не успевая окрепнуть, обрести форму книги. Книга прибывает слишком поздно; единственная возможная книга сегодняшнего дня — это газета¹⁵.

Непосредственно предвосхищая идеи газетной фактографии¹⁶, Альфонс де Ламартин тем не менее еще как будто сомневается в благотворности такой скорости распространения информации, определяющей задним числом и ритм письма, и ритм когнитивных операций. Во всяком случае беспокойство здесь сложно отделить от восхищения, в конечном счете заставляющего не столько тосковать по старым добрым временам, сколько пересмотреть — на основании новой медиатехники — саму иерархию литературных жанров¹⁷. Однако не все, как Ламартин, были готовы смириться с запаздыванием книги и перейти в «партию газет», хотя и не замечать существования такой партии никто уже больше не мог. Как будет отмечать сторонний отечественный наблюдатель,

ев П. Выходили ли структуры на улицы в XVIII веке? // Неприкосновенный запас. 2020. № 129. С. 268–275.

15. Lamartine A. de. De la politique rationnelle // La revue européenne. 1831. Т. 2. Р. 127.

16. Ее манифестом можно считать: Третьяков С. Новый Лев Толстой // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 34–38.

17. Подобная концептуальная операция позже будет патентована Беньямином: «впустую потратили немало умственных сил, пытаясь решить вопрос, является ли фотография искусством — не спросив себя прежде: не изменился ли с изобретением фотографии и весь характер искусства» — Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Гете-институт, 1996. С. 34.

...публичность так важна для литературы, что теперь во Франции вошло в употребление слово *пресса* (*la presse* — книгопечатание), как выражающее более общее и обширное понятие, нежели слово *литература*. Вся сфера современного общественно-го движения теперь выражается словом *пресса*... Нет стороны в обществе, которая бы теперь не выражалась *прессой*, не жила в ней и ею¹⁸.

Принципиальная противопоставленность литературы газете — позднейшее изобретение. На протяжении почти всего XIX века, в течение которого эта поляризация еще только изобретается, газета в основном и состоит из литературы, шизофренически раскалывая литератора надвое, заставляя его искать заработок в газете и одновременно высказывая расхожее пренебрежение к этой презренной медиасреде. Борис Томашевский говорит о годах с 1836-го по 1848-й как периоде, когда «литература стала делом газеты»¹⁹. Другими словами, этого раскола не существует профессионально (скорее — в отдельных головах), и все журналисты имеют амбиции, а иногда и репутацию *hommes de lettres*, а книга остается горизонтом их целеполагания (даже если «*arriverai trop tard*»). Как показывает Зигфрид Кракауэр, журналисты

...были слугами той всевластной силы, которая все в большей мере становилась работодателем для поэтов, писателей и иллюстраторов. А существовала ли вообще такая большая разница между журнализмом и высоким писательским искусством? Границы между ними расплывались. Некоторые профессиональные газетные критики — такие как Жюль Жанен или Сент-Бёв — были настоящими писателями, с другой стороны, многие знаменитые писатели и поэты работали на потребу дня. Теофиль Готье, гонимый нуждой, стал заправским журналистом. Журналистами, в конце концов, стали все пишущие, ибо почти никто из них не брезговал газетной кормушкой²⁰.

18. Белинский В. Общее значение слова «литература» // Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Академия наук СССР, 1954. С. 626.

19. Томашевский Б. У истоков фельетона (фельетон в *Journal des Débats*) // Общество изучения художественной словесности / Под ред. Ю. Тынянова и Б. Казанского. Л.: Academia, 1927. С. 68.

20. Кракауэр З. Жак Оффенбах и Париж его времени. М.: Аграф, 2000. С. 85.

Сопротивляются диспозитиву газеты только с середины XIX века и только те, кто впоследствии будет считаться основателями автономного литературного поля — Флобер и Малларме. Но огромное число тех, кто тоже будет взят в будущее, в свое время отнюдь не брезговали газетой (Готье) или даже основывали свою собственную (Нерваль и Бальзак). Уже романтики были массово затронуты лихорадкой периодики, — впрочем, газеты эти были особого рода. Стоит ли напоминать о тех из них, кто был к тому же чувствителен к политике и перспективам демократизации знания? В случае Санд и Ламартина эта чувствительность достигает такой плотности, что они составляют газету целиком из собственных текстов²¹.

В 1839 году появляется знаменитый памфлет Шарля Огюстена де Сент-Бёва «Об индустриальной литературе». В нем автор признается, что индустриальная литература — со времен изобретения книгопечатания — существовала всегда и заключалась в ставке на... заработок пером, даже в случае самых «незаинтересованных» произведений. Он стремится депроблематизировать технологические трансформации дискурсивной инфраструктуры своей эпохи и говорит, скорее, об институциональных аспектах, экономических моделях и способах «быть писателем». Упомянув Вольтера, успешно спекулировавшего иностранными ценными бумагами, и Дидро, постоянно нуждавшегося, но писавшего «тем охотнее, что за свою работу не получал ни гроша», Сент-Бёв пытается, однако, показать, что достоинство ремесла литератора сохранялось независимо от «всей этой второстепенной материальной стороны»²². Таким образом, хотя Сент-Бёв говорит исключительно об *экономике литературы* (и некоторых ее политических контекстах и стилистических следствиях), а не об *индустриализации* ее технологической инфраструктуры, его формулировки, вроде приведенной выше, показывают, что за вытеснением социально-экономической стороны дела имеется и более глубокая эпистемологическая ставка²³.

21. Также, впрочем, ведут себя поздний Пушкин и Одоевский, составляя последние выпуски «Современника» и ранние выпуски «Отечественных записок» соответственно в основном из своих собственных текстов.

22. *Sainte-Beuve Ch.-A. De la littérature industrielle // Revue des Deux Mondes. Période initiale. P.: Bureau de la Revue des Deux Mondes, 1839. Т. 19. P. 677.*

23. В своем программном послесловии к сборнику *Materialities of Communication* Ханс Ульрих Гумбрехт указывает на подобные попытки квалифицировать всякую материальную поверхность как вторичную и всегда несовершенную тень данного внутри субъекта, а также противопоставляет им нечто вро-

Несмотря на то что Сент-Бёв в основном обрушивается на «электоральные и индустриальные нравы», ведущие к нежелательной для автора демократизации литературы, у него можно обнаружить и указания на некие «материальные обстоятельства», компрометирующие мысль²⁴. Стало быть, дело не столько в динамике порчи и все еще возможного исправления нравов, а в переворачивании эпистемологической перспективы, в которой материальные условия коммуникации постепенно обнаруживают свое отнюдь не вторичное положение среди духовных предприятий. Предвосхищая будущую формулировку Малларме о «четвертой полосе газет», Сент-Бёв указывает на порочное соседство, компрометирующее литературу «всего на расстоянии двух пальцев»²⁵. Это порочное соседство прозрачно указывает на генезис и структуру жанра фельетона:

...не жанр, а газетная рубрика, объединяющая в себе материал разных жанров. Но газетное, фельетонное пользование этими жанрами сильно деформировало их литературную структуру, своеобразно динамизировало их, перестроив их элементы. Темп старой литературы был убыстрен, в фельетон была введена нервность, напряженность, сенсационность, тематический захват был расширен, структурный канон сломан. Фельетон тяготел к парадоксальности, что выражалось в нарушении норм языка, стиля и построения вовлекавшихся в газету форм. <...> Сатира, памфлет, критический донос — специфические формы фельетона. Для фельетона характерна и меньшая ответственность: ориентация на малый жанр, с меньшей идеологической нагрузкой, чем жанры большие²⁶.

Уже не пресса вообще, а конкретно формат, изобретенный газетой с родовым названием *La presse*, оказывается причиной прискорбных моральных и стилистических следствий²⁷. Сент-Бёв прозрачно указывает на основанную недавно Эми-

де позитивной гуманитарной науки, которая отправляется от герменевтики, чтобы прийти к физическим свойствам означающего как условиям значения, к чему-то вроде *hardware* коммуникации. Подробнее см.: Gumbrecht H. U. A Farewell to Interpretation // Materialities of Communication. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 389–402.

24. Sainte-Beuve Ch.-A. De la littérature industrielle. P. 681, 682.

25. Ibid. P. 682.

26. Томашевский Б. У истоков фельетона. С. 70.

27. Sainte-Beuve Ch.-A. Op. cit. P. 683.

лем Жирарденом газету *La presse*, которую тот решает финансировать за счет рекламы, а не благодаря подписке, удешевленной вдвое в сравнении с другими газетами. Это обстоятельство привело к резкому росту числа читателей, фактически с этого момента начинает продаваться не информация, а внимание аудитории — внимание становится товаром²⁸.

Если критика из-за соседства с рекламой и контаминации с ней теряет свой авторитет, то иные литераторы и вовсе расстаются со своей честью. Виной чему оказываются чисто «материальные» обстоятельства — одновременно экономические и типографские. Такая политическая экономия мысли заставляет Сент-Бёва постоянно напоминать о необходимости «поддерживать перед лицом литературной демократии истинные принципы и независимость вкуса»²⁹.

Как это ни странно, ради сохранения (или еще только учреждения?) автономии литературы Сент-Бёв требует... вмешательства государства или создания общества защиты интересов литераторов, склоняясь, таким образом, к уже вполне внешним литературе мерам регулирования³⁰. Выражая аристократическое презрение к материальным вопросам «литературной собственности», Сент-Бёв постепенно распаляется, рассуждая о своей непосредственной области интереса — литературе как таковой, но отделить ее судьбу от «всей этой второстепенной материальной стороны» оказывается более невозможно, и тогда он дополняет это призывами к коллективной обороне истинных авторских прав, хотя и оговаривается, что ни в коем случае не следует опускаться здесь до объединений (типографских) рабочих³¹.

Медиаконсерватизм не узнает себя и оборачивается то стилистическим, то социальным, но с упадком фельетона и изменением цензурного законодательства к середине

28. Поскольку книжные издатели по-прежнему выручают мало и еще меньше платят авторам, вследствие чего многие из «людей букв» соблазняются сотрудничеством с периодической печатью, среди авторов фельетонов в *La Presse* можно назвать и Теофиля Готье и Бальзака. О «торговле словом» см., к примеру: Мильчина В. Париж в 1818–1848 годах. Повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 381–382.

29. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Op. cit. P. 690.

30. Ibid. P. 686. Справедливости ради стоит заметить, что для продолжения дела Просвещения — книжной торговли и, в частности, укрепления позиции издателей «Энциклопедии» — Дидро требует того же самого. Подробнее об экономике письма Дидро см.: Дидро Д. Письмо о книжной торговле; Арсеньев П. Не продается, но можно. С. 339–348.

31. *Sainte-Beuve Ch.-A.* Op. cit. P. 690, 687.

века во Франции оформляется та оппозиция книги газете, которую уже можно назвать модернистской. Этот вопрос является борьбой не только литературных форм (то есть кейсом исторической поэтики), но медиажанров и, помимо борьбы, между ними существовало большое число взаимодействий и трансферов, к которым были тем более чувствительны современники. Ниже нас будет интересовать, как именно артикулируется оппозиция литературы газете на примере трех ярких представителей литературного модернизма из различных (западных) национальных традиций.

1. «Parler autrement que les journaux»: обнаружение медиума и учредительный раскол

Только с середины XIX века пресса действительно переживает *индустриализацию*, против которой несколько поспешно поднял тревогу Сент-Бёв. Даже чисто артистические журналы существуют как «коллективные организаторы» и только *La Derniere Mode* чуть ли не единственной продолжает составляться Малларме в одиночку³². Быстро становясь главным окном в мир, газета переживает триумф, при котором присутствует литература, так же как ей приходится присутствовать при еще одном чрезвычайно близко расположенном триумфе — эмпирической науки. В обоих случаях она находит способ воспользоваться некоторыми вызовами-изобретениями, выстраивая одновременно дистанцию и занимая позицию соперника.

Даже во второй половине XIX века (столицей которого, как известно, остается Париж) обе дискурсивные системы — литература и газета — скорее существуют в режиме взаимной очарованности, риске постоянной контаминации, а также при пересекающемся «персонале», нежели резко противопоставляются друг другу. Газета усваивает устоявшиеся в литературе нарративные протоколы (реализма и натурализма), автоматизирует и «индустриализует» эти способы письма, тогда как литература учится у газеты новому отношению ко времени, информации, читателю, нередко пародируя его, а порой делая литературными и целые жанры, за-

32. Подробнее об отношениях Малларме с ежедневной прессой см.: Gragonetti R. Un Fantôme dans le kiosque. Mallarmé et l'esthétique du quotidien. P.: Seuil, 1992.

родившиеся на страницах газет — как, например, это было со стихотворениями в прозе Шарля Бодлера — и перемещающиеся в центр жанровой системы с «четвертой полосы газет»³³.

Расцвет журналистской индустрии во второй половине XIX века приводит к изменению статуса литературного объекта и функции автора³⁴. Писательство необратимо становится буржуазным ремеслом, почти торговлей, выражение «commerce des idées» получает более практичный, в сравнении с просветительским, смысл. С большим или меньшим восторгом писатели обнаруживают себя на рынке, где их успех теперь зависит от критики в периодике, а не от благосклонности патрона. Именно поэтому даже многие «чистые» поэты оказываются вынуждены стать адвокатами и даже пропагандистами своих собственных изделий — или комментаторами дружественных и критиками чужих. Подобный профиль поэта-критика, участвующего в конструкции буржуазной публичной сферы, постепенно начинает характеризовать даже тех, кто в своих стихах продолжает культивировать образ резидента башни из слоновой кости.

Бодлер был первым поэтом-критиком «эпохи зрелого капитализма», который сопротивлялся (и одновременно пытался причаститься) ей наряду с фотографией, прессой, наукой³⁵. В отличие от него Малларме отдает себе отчет в том, что искусство и индустрия, литература и пресса, эстетика и позитивизм находятся в одной лодке, и потому он сталкивает не разные домены и медиумы (как Бодлер — высокую живопись и «служанку науки» фотографию), но проводит более тонкое различие: чтобы функционировать *не так, как в газете*, знаки на странице должны не рассказывать историю, но быть элементами орнамента, выполнять функцию «номинативных триггеров»³⁶.

33. Подробнее о «Сплинах Парижа» в связи с газетными рубриками см.: *Gouvard J.-M. Le Spleen de Paris de Charles Baudelaire: des «petits genres journalistiques» aux «petits poèmes en prose» // Mémoires du livre. Studies in Book Culture. 2017. Т. 8(2).*

34. Этим выражением мы отсылаем не столько к авторской функции Фуко, сколько к тезисам формалистов о динамической функции жанровой системы. См.: *Тынянов Ю. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–269.*

35. См.: *Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 47–234.*

36. Гейл Закман называет такую позицию «прогрессивным герметизмом», приводя слова Малларме о поэте, устраивающем «забастовку против общества», и утверждая, что такой отказ (в отличие от бодлеровской хронической

Сперва автор будущей «типографской поэмы», которая откроет эпоху поэтической медиачувствительности, еще пробует выделить некие чисто семиотические критерии литературности и под собственно литературным способом использования языка Малларме называет склонность к коннотации (*suggestion*), которая освобождает поэзию от диктата прямого денотативного называния, свирепствующего в журналистике. Однако вскоре Малларме отказывается от эссенциалистского деления на повседневный и поэтический язык, и от имманентного определения последнего все больше сдвигается к прагматическим терминам способов использования³⁷.

Среди поэтов Малларме, вероятно, первым наткнулся на материальность означающего, обнаружил систематическую контаминацию знаков материальными условиями их производства и распространения: белоснежная страница, чернила, страничная верстка, книга как технологический артефакт, ритуал чтения — ничего из этого не избежало его протомедиологического взгляда, укоренявшего духовность в материальности. Как будет часто с поэтами, медиачувствительность Малларме обязана «фундаментальному кризису», разразившемуся на рубеже двух эпох — одна из этих эпох еще боготворила Автора и Книгу, другая превращала автора, скорее, в оператора или производителя, а чистую поэзию стилизовала вплотную с «четвертой полосой газет».

Никогда открытие того, что «наши инструменты письма тоже трудятся над нашими мыслями» не следовало из их безотказной работы — чтобы быть обнаруженными, они должны были ломаться в ходе применения или быть изначально избранными в качестве протеза³⁸. Чтобы начать служить свою

асоциальности) подразумевает и конструирование нового (со)общества — внутри поэтического ремесла, сакрализация которого становится тогда почти «общим делом». См.: *Zachmann G. Frameworks for Mallarme: The Photo and the Graphic of an Interdisciplinary Aesthetic*. Albany: SUNY Press, 2008.

37. Так, в своем предисловии к трактату Рене Жили, для которого это деление существует *a priori*, Малларме говорит о таковом как о «desir undeniable de l'époque», тогда как сам различает, скорее, «fonctions langagiers (narrer, enseigner, décrire)» — словом, речь о функциональных жанрах, среди которых существует «usage plus interessant de la langue», которое всегда еще только требует своего изобретения. И все же этот тип языкового поведения противостоит «l'emploi élémentaire du discours dessert l'universel reportage». Подробнее см.: *Малларме С. Предисловие к «Трактату о слове» Рене Жили (1886) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдородора / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 429–432.*

38. Так и автор упомянутой формулы заметил, как ритм его письма сдвигается от жанровой формы трактата к афоризмам с появлением печатной ма-

материалистическую мессу Книге, посвящать тексты каждому из ее *dissecta membra*, Малларме должен был заметить, что дни этой медиаэкосистемы сочтены. И главной проблемой Книги, обнаруженной XIX веком, была *скорость*. Если у Ламартина книга всегда считается приходящей слишком поздно («livre arriverai trop tard»), то у Малларме она совершает марш-бросок, не исключаяющий случая, в котором книга оказывается обгоняющей четвертую полосу — как черепаха Ахиллеса³⁹.

Когда наконец в «Кризисе стиха» констатируется, что «впервые всякий, с неповторимой своей манерой игры и слухом, может собрать для себя инструмент и <...> посвятить его Языку»⁴⁰, это значит, что на самом деле больше нет строгих критериев, гарантирующих квалификацию текста как поэтического. Раньше определению поэзии служил александрийский метр, но с того момента, когда он был признан поверженным (что, в свою очередь, является метасюжетом «Броска костей»⁴¹), поэзию начинает определять, скорее, контекст и способ использования языка — критерий менее имманентный, чем качество выделки языковой формы, и более динамический. В интервью 1891 года под названием, которое еще появится в «русской теории» литературы, «О литературной эволюции», Малларме определяет новый ареал существования поэзии следующим образом: «Поэзия в языке повсюду, где есть ритм. Повсюду, за исключением афиш и четвертой полосы газет»⁴².

Если поэзией может быть потенциально все, что создано при помощи алфавита, она в известном смысле оказывается типографской условностью. Но именно поэтому эту условность и должно соблюдать или даже делать сюжетом самой поэзии (подзаголовком «Броска костей» станет *типографская поэма*). Заземляя таким образом поэтическое производство

шинки в момент прогрессирующей миопии. Подробнее см.: F. Kittler. Gramophone, Film, Typewriter. P. 183–266.

39. Как не вспомнить здесь об отложенном характере знака в принципе, возмещаемом грамматологией: Derrida J. De la grammatologie. P.: Editions de Minuit, 1967.

40. Малларме С. Кризис стиха [1896] // Сочинения в стихах и прозе / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Радуга, 1995.

41. Подобную интерпретацию поэмы предлагает, к примеру Мейясу: Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме // Носорог. 2014. № 1. С. 179–223.

42. Mallarmé S. Sur l'Évolution littéraire (1891) // Œuvres complètes, édition présentée, établie et annotée par H. Mondor et G. Jean-Aubry. P.: Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1945. P. 867.

на типографское оборудование, Малларме вынужден строго развести поэзию и прессу.

Возможно, Малларме считал столь важным, «если мы занимаемся литературой, говорить иначе, чем в газетах»⁴³, и остро ощущал опасность этого смещения, потому что сам был не только одним из «проклятых поэтов», но также вполне публикуемым культурным корреспондентом или даже фриланс-журналистом, сотрудничавшим примерно с двадцатью французскими и зарубежными периодическими изданиями, а также редактором одного собственного. Все прижизненные публикации апостола Книги сперва появляются в периодике (*livre arriverai* не столько *trop tard*, сколько просто *plus tard*), образ апостола книги конструируется в журнальных публикациях, а сам Малларме находился в постоянном (и вполне успешном) поиске журналистской работы⁴⁴.

Другими словами, после учредительного для модернизма обнаружения общего медиального субстрата — происходит не менее учредительный прагматический раскол: поэзия, которая теперь «состоит не из идей, а из слов», жестко противопоставляется другим речевым жанрам в пределах медиума языка («говорить иначе, чем в газетах») и порой в непосредственном соседстве на поверхности одного и того же *print-media* («четвертой полосы газет»).

Языковые революции будут сменять одна другую, претендуя на все больший радикализм, ограничивающийся областью означающего, технические медиа тоже будут совершенствоваться вместе с жанрами массовой коммуникации, но со времен Малларме модернистская поэзия (и примыкающая к ней орнаментальная литература) будет определять себя из оппозиции языку газет.

Журнализм как французское изобретение находится в отношениях противостояния не только с (французской) литературой, но и с другими версиями «информационной цивилизации» — и, в частности, англосаксонской, где такого смещения между литературой и журналистикой *à la française* не было, однако инстинктивное противопоставление модернистского письма — газетному все равно сохраняется, хотя и по другой линии, как будет показано в следующей главке.

43. *Mallarmé S. Correspondance*. Vol. 3 (1886–1889)/H. Mondor, L.J. Austin (eds). P.: Gallimard, 1969. P. 67.

44. Как показывает на основании переписки поэта Гейл Закманн в упомянутой книге: *Zachmann G.* Op. cit.

2. «Reading at it»: психофизиология чтения и «ложное время газет»

Конститутивное определение модернистской литературы по отношению к новым и массовым средствам распространения информации (в контексте, пусть и иронически, но отчетливо реагирующем на этот фактор начиная с Малларме) будет уточняться и усложняться, будут выбираться разные точки приложения усилий, газетной речи будут делаться отдельные уступки или, точнее, будет происходить захват отдельных технических приемов для прививания литературе духа современности, но в целом модернизм будет испытывать характерную ревность и определять себя в оппозиции с *языком, речевыми жанрами или временем газет*.

Так, одно из поздних модернистских определений поэзии, принадлежащее Паунду, гласит: «Новости, которые остаются новостями» («news that stays news») ⁴⁵. Как известно, для поэта из американской провинции такой новостью долго оставались стихи Конфуция, Гомера, Данте и другие мощные препараты для тоски по мировой культуре. Хотя позже и ему довелось погрузиться в работу в СМИ фашистской Италии, благодаря которым он распространял такую не устаревавшую новость как антисемитизм. Значительно более интересный тип недовольства ⁴⁶ массовой коммуникацией высказывает Гертруда Стайн. Если пророк пространственного измерения поэтической публикации противопоставлял ее всему размещенному на «четвертой полосе газет», то Стайн оппо-нирует, скорее, их «ложному времени» («false sense of times of newspaper»).

45. Характерную авангардистскую модификацию сегодня вносит в это определение поэма Кеннета Голдсмита «A Day», родившуюся из такого сора, как выпуск газеты *New York Times*, целиком перепечатанного «в поэму», включая около 200 страниц биржевых котировок. Подробнее об этом см.: *Стивенс П.* Общий указатель авангарда: концептуальное письмо, информационная асимметрия и избыток данных // #21 [Транслит]: К новой поэтике. СПб., 2018.

46. Хемингуэй в «Праздник, который всегда с тобой» пишет, что Гертруда не любила Паунда до такой степени, что было нежелательно произносить ее имя у нее в доме. В книге «Автобиография Алисы Б. Токлас» сама Стайн описывает отношения с Паундом в гораздо более спокойных и шутилых тонах. Как известно, в 1934 году Стайн утверждала, что Адольф Гитлер заслуживает Нобелевской премии мира, поскольку принес мир во внутривойсковую жизнь Германии, но, как указывает исследователь ее творчества Чарльз Бернстин, в этом широко обсуждаемом резонансном заявлении упускается острая ирония, заключенная в предложении Стайн. См.: *Bernstein C. Gertrude Stein taunts Hitler in 1934 and 1945* // Jacket 2. May 9. 2012.

До того, как влиться в поток европейского модернизма, Стайн успела поучиться у Ульяма Джеймса и Гуго фон Мюнстерберга в Гарварде и поучаствовать в их психотехнических экспериментах. Суть этих экспериментов сводилась к попытке одновременного выполнения участниками эксперимента двух задач — чтения и письма: один или, точнее, одна должна была записывать то, что диктует другой, а также читать записываемое вслух, сдвигая таким образом операции к бессознательному или автоматическому выполнению⁴⁷. После участия в подобных экспериментах у Стайн выходит научная статья — в соавторстве с Леоном Соломоном, но в действительности написанная только при ее номинальном участии (как было с письмом под диктовку и в самом эксперименте) — под заголовком «Normal motor automatism»⁴⁸. Именно так впоследствии и охарактеризовал ее литературные опыты Скиннер⁴⁹, а Паунд, в свою очередь, парой лет раньше заметит, что лучший критический отзыв о Стайн оставлен бессознательно ей самой — в истории трудоустройства в этой лаборатории, где практиковали «уставшую» и невнимательную коммуникацию⁵⁰. Таким образом, оба критика, если не сказать недоброжелателя, связывают письмо Стайн с ее участием в научных экспериментах в качестве подопытной.

Другими словами, когда Стайн в лабораторных условиях испытывала информационные перегрузки, характерные для начала века и кажущиеся нам сегодня смешными, она испы-

47. Этот психофизиологический автоматизм резко противопоставлен автоматизму бессознательного в психоанализе, а соответственно, и практика Стайн — автоматическому письму сюрреалистов. Мюнстерберг, отрицая существование нематериальной психики, говорил, что о бессознательном «можно рассказать в трех словах: оно не существует», что предвосхищало риторические изобретения самого позднейшего (лакановского) психоанализа. Ф. Киттлер объединяет оба типа психофизических исследований в рамках дискурсивной сети 1900, характеризующейся все большей автоматизацией когнитивных процедур. Подробнее см.: Kittler F. Op. cit. P. 206–228.

48. Solomons L. & Stein G. Normal Motor Automatism // Psychology Review. September 1896. Сам эксперимент с участием авторов в ней описывается так: «Для этого пишущий читал вслух, а диктующий слушал чтение. Таким образом <...> один человек бессознательно диктовал предложения, которые другой бессознательно записывал» (Ibid.).

49. См.: Skinner B. F. Has Gertrude Stein a Secret // Atlantic Monthly. January 1934. № 153. P. 50–57.

50. «Лучшая критика творчества мисс Стайн, известная мне, была сформулирована произвольно... Из информации об авторах мы узнаем, что мисс Стайн обучалась в аспирантуре по психологии в университете Джона Хопкинса, уделяя особое внимание „усталости и бессознательным реакциям“» — Pound E. Small Magazines // English Journal. 1930. Vol. 19. № 9. P. 699.

тивала новые способы обработки информации, так сказать, на собственном теле. Об одном из своих романов она позже говорит, что его вполне допустимо не читать, а просто просматривать — «*reading at it*»⁵¹. Этому «чтению сквозь» соответствует более известная в критике писательская техника «потока сознания», в которой можно также видеть литературное освоение некоего, с одной стороны, лабораторного опыта Стайн, а с другой — опыта информационной повседневности, знакомой каждому.

По глубокому убеждению Стайн, объемы потребления информации заставляют многих терять всякий здравый смысл. Как замечает П. Стивенс, еще Элиот и Паунд говорят о культурном *знании*, которое все сложнее переработать, что возможно и заставляет их вырабатывать масштабные эпические поэтики, но Стайн говорит уже именно об *информации* — как очевидно противопоставленной знанию по принципу ассимилируемости. Нетрудно догадаться, что именно является источником беспрестанного потока информации, которая больше не имеет ничего общего со знанием и, следовательно, виновна в переживаемой нами утрате здравого смысла — это новые медиа и формы массовой коммуникации и, прежде всего, газеты.

Наряду с экспериментально открытыми информационными перегрузками, «поток сознания» обязан ежедневно практикуемому читателем газет объему и скорости поступающей информации (собственно, это связанные переменные, как и в случае эксперимента). Однако, как и с лабораторными опытами по рассеиванию внимания, в естественных условиях аналогичные процессы могут приводить как к психологическим расстройствам, так и к литературным изобретениям, и, соответственно, как медикироваться, так и эстетизироваться. Чтобы уяснить специфику отношения Стайн к новым условиям, объемам и скорости потребления информации, нужно привести цитату целиком: «Сегодня каждый потребляет столько информации в течение дня, что теряет всякий здравый смысл. Все так много узнают, что забывают, как быть естественными. Это интересная история»⁵².

51. «...everybody ought to be reading *at it* or *it*» — пишет Гертруда Стайн о своей ранней книге «*Making Americans*», и этим же выражением озаглавлен раздел о ней в книге: *Stephens P. Poetics of information overload*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015.

52. *Stein G. Reflection on the Atomic Bomb*// *Writings, 1932–1946*/C.R. Stimpson, H. Chessman (eds.). N.Y.: Library of America, 1998. P. 823.

Если для ее учителя Джеймса это было формой нев-
растении, обусловленной ускорением современной жизни
и ложными идеалами⁵³, то Стайн уже делает из подобной
утраты естественности *nice story*. На месте индивидуальных
и, как правило приписываемых со времен Гете женской ин-
дивидуальности пороков чтения возникает литературная
технология, в штывы воспринимаемая, как правило, теми
мужчинами, которые все еще рассчитывают претворить воз-
растающую какофонию в культурное знание и спасти мир,
стремительно теряющий здравый смысл (будь то ученые
мужи или *hommes de lettres*).

Чтобы оценить новаторство жеста Стайн, позволительно
сравнить ее работу с ближайшими соратниками по модер-
низму, а также уточнить дистанцию, которую она занима-
ет по отношению к своим научным учителям. Если Джеймс
Джойс еще привилегирует трансцендентально насыщенные
моменты *эпифании*, а Марсель Пруст иронически указывает
на то, что никто из остающихся *в своем уме* не станет по соб-
ственному почину читать газеты⁵⁴, то Стайн разительно от-
личается своей открытостью информационным потокам
от них обоих. Вместе с тем она отходит и от научных эмпи-
рических методов своих учителей в пользу литературного
освоения «привычек внимания, которые являются рефлекс-
сами целостного характера индивида»⁵⁵.

Посредством письменной эмуляции жеста «частично-
го продолженного внимания» (*continuous partial attention*)⁵⁶
Стайн отучает нас читать подряд, читать каждое слово (и, что

53. «Чрезмерная американская напряженность, дерганость, мучительность
выражения — это в первую очередь социальные и лишь во вторую очередь фи-
зиологические явления. Это дурные привычки, не более и не менее, порожде-
ны обычаем и примером, подражанием плохим образцам и культивировани-
ем ложных личных идеалов» — *James W. The Gospel of Relaxation* // *Writings*, 1878–
1899. N. Y.: Library of America, 1992. P. 832.

54. «Совершать то мерзкое и сладострастное действо под названием чтение
газеты, благодаря которому все несчастья и катаклизмы Вселенной за послед-
ние двадцать четыре часа <...> передаются для нашего личного пользования
нам, — тем, кто ими не интересуется» — *Proust M. Sentiments filiaux d'un parri-
cide* // *Pastiches et Mélanges*. P.: Éditions de la NRF, 1921. P. 211–224.

55. Как это формулирует Стайн в очередной своей научной публикации: *Stein G.*
Cultivated Motor Automatism: A Study of Character in Its Relation to Attention //
Psychological Review. 1898. Vol. 5. № 3. P. 299.

56. Такую практику чтения и вообще восприятия Барбара Уилл называет
«внимательной невнимательностью», что можно рассматривать как версию
кантовской эстетики «удовольствия от неудовольствия», обновленную пси-
хофизиологическими экспериментами. См.: *Will B. Gertrude Stein, Modernism,
and the Problem of "Genius"*. Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2000. P. 55.

не менее важно, делать это вслух) и учит быть рассредоточенными (как это полагается всякому пользователю новых информационных технологий в глазах адепта традиционных), или сосредоточенными по-новому.

В определении нового протокола внимания важно не только то, что оно частичное (*partial*), как мы уже видели по описанию экспериментов, но и то, что оно, как и ряд грамматических времен, продолженное (*continuous*). Стайн как бы отказывается от завершенного (или совершенного — *perfect*) произведения в пользу существования в длящемся настоящем, в котором ей, как мы помним, доводилось выполнять две задачи одновременно — писать под диктовку и тут же читать получившееся. Возможно, сама эта прекаризация когнитивных процедур, заставляющая делать два дела одновременно⁵⁷, предмет не только психотехнических экспериментов, но и чисто литературных поисков духа времени (разумеется, писатели испытывают те же самые информационные и технические принуждения, что и участники экспериментов, но творчески преобразовывают их в новые формы письма или, точнее, техники записи). Хенниг и Аванесян предлагают понятие *поэтики настоящего времени*, играя на омонимии грамматического времени и исторической эпохи модернизма⁵⁸. Стремясь зафиксировать ускорение социальной жизни и/или распространения информации, на которое указывал среди прочих и Джеймс, авторы-модернисты начинают писать о событиях, происходящих как бы одновременно с самим актом повествования⁵⁹. Соавторы говорят об этом как о чисто фикционально-нарративном эксперименте, грамматика которого как бы заигрывает с духом современности (разбираются тексты Вирджинии Вулф, Джона Апдайка, Роберта Вальзера, но не делается попытки связать «поэтику настоящего времени» с конкретными институционально-техническими трансформациями эпохи модернизма). На наш взгляд, использование Стайн такого протоко-

57. Ср. это с слиянием двух этих активностей до неразличимости в одной в практике задолго до Ролана Барта: «Свистонов лежал в постели и читал, то есть писал, так как для него это было одно и то же» — Вагинов К. Труды и дни Свистонова // Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М.: Художественная литература, 1989. С. 157.

58. О связи нарративных изобретений с грамматикой глагольного времени см.: Аванесян А., Хенниг А. Поэтика настоящего времени. М.: Издательский центр РГГУ, 2014.

59. Подробнее см.: Аванесян А., Хенниг А. Писать рассказ и одновременно действовать довольно сложно // НОЖ. URL: <https://knife.media/club/avanessian-hennig/?ysclid=lv0706jtv42698021>.

ла письма, который эмулирует «частичное продолженное внимание», может быть заземлено на определенную «науку и технику» литературы. И если про связь ее стиля с лабораторией Джеймса и Мюнстербергера уже было немало сказано, то в неменьшей степени он обязан технике ротационного прессы и новой темпоральности газетной информации.

И все же при этом решительном присоединении к уже де-факто распространенным (хотя еще и не признанным литературой) техникам восприятия/чтения начала XX века, Стайн продолжает ощущать какой-то подвох в темпоральности массовых медиа и занимает по отношению к ней, скорее, осторожную эстетическую дистанцию. Возможно, именно парадокс дейксиса настоящего времени, на котором Паунд основывает свое определение поэзии⁶⁰, и строится омонимический резонанс «поэтики настоящего времени», и именно его Стайн называет «ложным чувством времени газет»⁶¹. Ее интересуют не столько содержание новостей — большие исторические события и мировые новости (теперь собственно производящиеся и впервые ставшие доступными в таком объеме благодаря телетайпу), сколько событийность самого высказывания, которая видится все еще доступным пространством для собственно литературного маневра.

Изобретенный Стайн протокол «частичного продолженного внимания» переносит акцент с практики письма на техники чтения, определяемые новым аппаратом массовой информации. Прямо указывая на возрастание объема и контингентности информации как на ключевой момент современности («Сегодня каждый потребляет столько информации в течение дня, что теряет всякий здравый смысл»), Стайн однако не стремится, как многие ее современники, создать привилегированный «художественный мир», создать эпос одного дня (чтение которого займет далеко не один день) или отправиться на бесконечные поиски потерянного времени (которые заставят читателя потерять не меньше). Она, скорее, представляет собой один из первых литературных опытов, имеющих дело с реально происходящими и научно-технически спровоцированными деформациями внимания и расстройствами чтения, но сохраняет

60. Если новости вчерашнего дня сегодня оказываются «старостями», то стихи — это такие новости, которые всегда ими же и остаются («news that stays news»).

61. Stein G. A Primer for the Gradual Understanding of Gertrude Stein. Los Angeles: Black Sparrow, 1971. P. 33.

при этом и связь с модернистскими эстетическими протоколами. Литературная техника Стайн обязана новому типу восприятия/чтения информации, «вычитана» в ленте теле-тайпа, но впоследствии она преобразована в престижный тип модернистского литературного *письма*, закрепленного за авторским именем и в конечном счете противопоставленного технике массовой коммуникации и «ложному времени газет».

3. «Некийдвигающийся зрительный аппарат» и индустриализация чтения

Следующий герой этой технологической эпопеи намного решительнее выламывается из модернистского канона и все более сближается с психотехническими изобретениями авангарда в технике чтения. Пока большинство его современников и порой соседей по печатным страницам стремятся революционизировать язык (чаще всего такая революция разворачивается в «одном, отдельно взятом» домене литературы), он — вслед за Стайн, но гораздо последовательнее ее — осознал большую значимость «читательского аспекта» или, как он интермедиально определил это измерение, «зрительных искусств». И это не просто решение модернистского автора поделить своей неограниченной властью с читателем в заполнении лакун (впоследствии канонизированное рецептивной эстетикой), но значительно более радикальное переосмысление и отчасти переустройство процедуры чтения. Если Малларме обнаружил (ритуальную) материальность письма, а Стайн зафиксировала на письме (психофизиологическую) автоматизацию чтения, то Боб Браун перенес акцент с логики письма на механику чтения. И главным мотивом изобретенной им «машины для чтения» оказывается все та же необходимость справиться с все возрастающим объемом печатной информации (материальной инфраструктурой чего по-прежнему является газета), не впадая в модернистскую автаркию письма.

Боб Браун — журналист-поденщик и авангардный поэт-визионер, и это довольно характерный для нашего изложения, хотя и не вписывающийся в модернистскую мифологию, социальный профиль будет играть важную роль в формировании технической и политической чувствительности к необходимости изобретения, доступного для всех и входя-

щего в повседневную практику. Собственно, он и подобные ему фигуры, не могут быть встроены в модернистский канон, поскольку в своем техническом и социальном радикализме (если только с этого момента не стоит говорить о социотехническом радикализме) с легкостью отказывались от усилий по самосохранению в истории литературы, даже если порой и оказывались желанными гостями на страницах модернистских или — как их иногда для разграничения понятий называют — авангардных журналов⁶². Одним из таких, где печатались манифесты Брауна, был журнал *transition* под редакцией Юджина Джоласа, чье имя ассоциируется с бесконечными и абстрактными призывами к «революции языка», а также несколькими систематически публикующимися в журнале «классиками» модернизма⁶³.

«Некий двигающийся зрительный аппарат» — так неопределенно описывает свою машину для чтения Боб Браун, называемую также иногда *readies* (в употребляемом множественном числе очевидно подразумевается, что они как бы уже разошлись среди пользователей). Несмотря на прилагающийся набросок технического описания, как именно устроены эти машины, понять довольно сложно. И в первую очередь затруднение это коренится в двусмысленности самого слова «аппарат»: его можно понимать как в прямом смысле, т. е. как указывающее на механизм, внешний человеческому телу, так и в метафорическом смысле и, следовательно, подразумевающий инкорпорированный человеческим телом и психикой характер⁶⁴. Малларме называет книгу «духовным

62. Как мы будем настаивать ниже, это разграничение является принципиальным и, собственно, проходит по тому, на чем автор делает акцент — на привилегированных опытах письма или затрагивающих всех техниках и протоколах восприятия информации, «революции языка» или «революции чтения», создании объектов престижного культурного потребления или технических решениях для культуры масс и, наконец, презрении к «четвертой полосе газет» (Малларме) или принятии протокола газетного диспозитива как «нашего эпоса» (Третьяков).

63. Впервые Джолас употребляет формулировку «революция языка» через пять лет после Винокура и без каких-либо ссылок на него. См.: Джолас Ю. Революция языка и Джеймс Джойс (1928) // Трансатлантический авангард. С. 256–262; Он же. Революция слова. Декларация (1929) // Трансатлантический авангард. С. 263–264; Он же. Что такое революция языка? (1933) // Трансатлантический авангард. С. 323–324. Подробнее о журнале *transition* и его редакторе см. в: Феценко В. Лондон — Нью-Йорк — Париж: Трансатлантические рейсы англоязычного авангарда // Трансатлантический авангард. С. 11–17, 73–94.

64. Именно так говорит об «аппарате бессознательного» Фрейд, хотя и предлагает конкретное техническое устройство в качестве модели психоаналитического сеанса — телефон. См.: Freud S. Recommendations to Physicians Practising Psycho-analysis (1912) // Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 12.

инструментом» (*instrument spirituel*) еще чисто метафорически⁶⁵, а Стайн могла бы сказать об *аппарате восприятия*, испытывающем перегрузки и подсказывающем эмуляцию в литературной технике «потока сознания», но Браун уже эксплицитно называет свое изобретение «машиной для чтения».

Можно сказать, что Браун дает техническое описание своего аппарата как индустриального, а его трансцендентальных следствий — как постиндустриальных⁶⁶. Впрочем, возможно, между этими двумя точками уже во времена Брауна не было такой непреодолимой пропасти, если «чтение должно <было> стать таким же современным способом, как и звуковое кино»⁶⁷. Последнее, как известно, тоже заметно преобразовало трансцендентальный аппарат апроприации визуальной информации (а также уже возникшую к тому моменту эстетику немого кино), оставаясь при этом довольно очевидным (равно как теперь и ухослышным) социотехническим аппаратом⁶⁸, добавившим к кинескопу граммофон. Технически описать машину для чтения намного сложнее⁶⁹.

Отчасти может помочь то, что Браун сам указывает на некоторые технические аналоги: «аппарат, удобный и порта-

Р. 115–116. URL: <https://pep-web.org/browse/document/SE.012.0000A?index=27&page=PR0004>. Позже и значительно более метафорично будет говорить о «идеологических аппаратах государства» Альтюссер. См.: *Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'Etat // Positions (1964–1975)*. P.: Les Éditions sociales, 1976. P. 67–125.

65. Хотя и тут можно увидеть чувствительность к книге как технологическому артефакту, учитывая осведомленность о материальности означающего в диапазоне от верстки печатной страницы до типографского оборудования, приписываемой нами Малларме. На русский язык название этого эссе чаще всего переводят намного более метафизически. См.: *Малларме С. Книга, орудие духа (1895) // Поэзия французского символизма*. Лотреамон. Песни Мальдорора. С. 427–428.

66. В индустриальную эпоху, когда на своей машине писал Браун, это разделение между внешними и механическими аппаратами с одной стороны и внутренними и метафорическими — с другой сохранялось как довольно четкое, хотя и преодолимое, сегодня же в постиндустриальную эпоху мы вполне можем представить, как сконструировать технически и привыкнуть пользоваться к таким аппаратам, которые будут носить промышленный характер, но при этом быть встроенными в человеческие тело/психику.

67. *Браун Б. Readies, или Машины для чтения // Трансатлантический авангард*. С. 287.

68. Подробнее о кино как психосоциальном аппарате см.: *Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.

69. Поэтому можно было бы соскользнуть в ее описании во фразеологию «машин желания/войны», чем применительно к литературе занимается философская антропология, но нам хотелось бы избежать такого шизо-метафорического решения вопроса и оставаться в диапазоне инженерно-физиологического описания процессов чтения.

тивный, как *фонограф, письменная машинка или радиоприемник*»⁷⁰ описывается как уже существующий в технологическом ряду устройств, с которыми он совпадает и по функции, будучи призван произвести *механизацию чтения*, аналогичную той *механизации письма*, которую уже произвела пишущая машинка⁷¹. Об этой функциональной гомологии свидетельствуют и упоминаемые (как уже существующие — как минимум в других подобных аппаратах) технические детали: «прозрачный тканевой валик „разворачивает“ ленту для чтения под узким увеличительным стеклом»⁷².

Среди упоминаемых Брауном преимуществ, получаемых будущим пользователем такого аппарата, одно из наименее примечательных — в том, что читатель избавляется от необходимости «двигать утомленными глазами туда-сюда»⁷³. Эти «утомленные глаза» не только напоминают о литературной технике Стайн, эмулировавшей «захватывающее и утомительное» чтение-просматривание по диагонали (*reading at it*), но и подсказывают нам, что, как и в случае всякого «духовного инструмента», машина для чтения протезировала-и-расширяла «естественную» способность человека⁷⁴, когда тот в очередной раз переставал справляться с увеличени-

70. Браун Б. Указ. соч. С. 278 (курсив мой. — П. А.).

71. Kittler F. Op. cit. P. 183–226.

72. Браун Б. Указ. соч. С. 279. Очевидно, что, не имея возможности сконструировать свой «...адаптируемый подвижный носитель литературы для чтения», Браун воображает нечто чрезвычайно знакомое нам. Своей экологической и экономической («минимизируется ручной труд. Чтение станет не дорогостоящим занятием») аргументацией обсуждаемый аппарат предвещает электронную книгу. «Нужно изобрести книгу без книг», «для уединенного, удобного, скоростного чтения», в которой «само по себе накапливающееся давление чтения и письма сдвинет с места шрифты, заставит их переливаться через край столбцов», пока «обновленный взгляд попросит большего, заголосит о подсобном „голосовом глазе“», то есть уже, в свою очередь, об аудиокниге.

73. Браун Б. Указ. соч. С. 278.

74. Кавычки здесь подразумевают то же, что и в случае такой технологии, как «естественный язык», в котором нет ничего естественного, но который своей универсальностью отличается от (еще более) искусственных. Процедура записи и чтения знаков еще Платоном описывается как искусственная, поскольку протезирует органическую способность припоминания: «Гермес, предполагаемый изобретатель письменности, демонстрирует фараону Таммузу изобретение, которое позволит людям помнить то, что иначе пропадет в забвении. Фараон не рад и говорит: „Хитроумный Тот! Память — дивный дар, ее надо постоянно поддерживать. Из-за твоего изобретения у людей испортится память. Они будут вспоминать не благодаря внутреннему усилию, а благодаря внешней поддержке“. Согласимся с этим фараоном. Письмо, как всякая новая техническая поддержка, ослабляет силу человека» — Эко У. От интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // umbertoeco.ru. URL.: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst>.

ем объема и скорости информации. «Чтобы успевать читать со скоростью сегодняшнего дня, мне нужна машина»⁷⁵ — скажет Браун задолго до Энди Уорхола и с намного более конкретными инженерными соображениями о том, какого рода машиной он желает обладать — или быть. Дело, однако, в том, что эта способность (и эта машина) не (для) глаза, но (для) мозга. Очевидно, что скорость потребления информации в 1930-х задается по-прежнему ритмом ротационного прессы, но его работе уже аккомпанирует *радио-приемник и звуковое кино* (которым машина Брауна к тому же технологически и функционально уподоблена), если и не увеличивающие нагрузку непосредственно на глаза, то явно участвующие в нагнетании информационной и перцептивной плотности.

Но даже ограничиваясь обсуждением процедуры чтения, Браун отмечает переход инициативы от мануальных операций к оптико-когнитивным: «Смысл *ускоряется* естественной быстротой глаза и сознания (а они нынче быстрее, чем руки)»⁷⁶. Быстрота эта описывается опять же и как естественная, то есть врожденная, и как исторически изменчивая и, следовательно, благоприобретенная вследствие приобщения к определенной культурной технике. Если Малларме косвенно выражал недовольство *качеством* информации, локализованной на «четвертой полосе», а Стайн еще говорила в основном о таком показателе, как *объем* («Сегодня каждый потребляет столько информации...»), то Браун отчетливо переносит акцент на *скорость* как ключевую характеристику современности⁷⁷. Другими словами, речь идет уже не о сложности отбора и разграничения культурной информации в пределах одного медиума (Малларме) и не дефиците внимания при возросших объемах и увеличившемся числе каналов (Стайн), но о такой задаче, как «читать со скоростью сегодняшнего дня». Перед Брауном стоит чисто техническая задача, фактически безразличная к содержанию.

Сообразно возрастанию потока информации и *ускорению смысла*, растет и гибкость самих аппаратов (у Малларме — книга, у Стайн — психотехнический кабинет), которые

75. Браун Б. Указ. соч. С. 278.

76. Об аналогичных мануальных репертуарах говорит Гастев, когда упоминает переход от жеста удара к жесту нажатия, «движению плавному». См.: Гастев А. Восстание культуры // Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М.: Экономика, 1966. С. 51.

77. О скорости как ключевом фантазме футуризма см.: Lanne J.-C. Le discours court: vitesse et modernité dans la poésie de l'avant-garde russe au début du XXe siècle // Modernités Russes. 2000. № 2. Vitesse et modernité. P. 25-47.

из-за этого и оказывается столь сложно технически описать литератору или журналисту, испытывающему культурную потребность в (пост)индустриализации чтения, но не имеющему возможности изобрести его технически (как было, к примеру, в общей истории искусства и техники не раз — к примеру, с фонографом, который был вымечтан поэтом и декадентом Кроссом, а изобретен инженером и коммерсантом Эдисоном⁷⁸). Поэтому неизбежно и его имплицитным адресатом, оказываются не инженеры, а литераторы, фразеология которых изначально используется лишь из необходимости быть понятым, но чем дальше, тем больше Браун втягивается в полемику с модернистской мифологией «революции языка», рождающейся из головы писателя-демиурга, и поневоле перенимает ее фразеологию.

«На высоких оборотах обыденная литература может поглощаться со скоростью нескольких полноценных романов за полчаса»⁷⁹. Эта техническая аналогия аппаратной возможности регулировать скорость просмотра кино («на высоких оборотах...») поневоле включает некоторые оценочные характеристики: «обыденная литература», «полноценные романы». И все же пока это еще не литературная полемика, а обсуждение технической возможности иметь дело с возросшими объемами литературных текстов, которые скоро обернутся большими данными, превратившись из частного затруднения книголюбителей в социотехническую проблему избытка информации⁸⁰.

На возрастание совокупного объема текстовой информации — не только из-за аккумуляции новых текстов, но из-за упрощения технического доступа к уже имеющимся — и, как следствие, на вынужденное «ускорение смыс-

78. Подробнее см.: Kittler F. Op. cit. P. 183–226.

79. Браун Б. Указ. соч. С. 279.

80. Именно с ней сегодня на территории формального литературоведения — тоже, кстати, превратившегося из *качественного* в *количественное* — имеет дело Франко Моретти. Впрочем, и он при всей «количественности» своего метода отмечает те качественные трансформации, которые произошли с режимами его чтения, и то, с какой литературой приходится иметь дело вследствие выбора методологической призмы «дальнего чтения»: «сознаюсь <...> в конечном счете, я все же прочел некоторые из этих „первых романов“ <...> Однако такое „чтение“ уже не создает интерпретаций, а всего лишь *проверяет* их: это уже не отправная точка для литературоведа, а ее завершение. Кроме того, в этом случае ты уже не читаешь текст, а, скорее, читаешь с помощью текста». Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 89–90. Подробнее наш разбор методологии Моретти см. в: Арсеньев П. Видеть за деревьями лес: о дальнем чтении и спекулятивном повороте в литературоведении // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 16–34.

ла» можно отвечать двояко. Поскольку всякое статистическое предприятие подразумевает формулировку критериев релевантности, одной из попыток решения «количественной» проблемы изобилия будет модернистская попытка качественного определения литературы как таковой и ее отделения от беллетристики и журналистики⁸¹. В отличие от этой модернистской стратегии *огораживания* (Малларме) или эстетизации производственных травм *hommes*, а вскоре и *femmes de lettres* (Стайн) авангардная тенденция состоит в том, чтобы изобрести социотехническое решение для всех (Браун).

Сколько бы ни писали провозвестники «революции языка» о том, что она избавляет слово от оков старых значений, делая его новым, орфическим, автотеллическим, в XX веке имеют место уже не «идолы площади» (Бэкон), которых можно одолеть с помощью «терапии языка», но *возросшие потоки* информации и *ускорение смысла*, и поэтому необходимы экспериментально-технические решения, которые будут «являться авангардом не только в искусстве, но в самом человеческом мышлении»⁸². Стайн отвечала уже не только на вопрос «Как быть писателем?», но и во всяком случае отчасти на вопрос «Как быть читателем?» в ситуации информационного избытка. Перед возросшими объемами даже (будущий) великий модернистский писатель является прежде всего считывающим механизмом, испытывающим перегрузки. Если, конечно, только не слишком ограждает себя от «шума времени» и «ложного времени газет».

Модернизм стремится выстроить качественные критерии экспериментальной литературы и тем самым сохранить ее «здравый смысл» (который, как мы помним, теряется при

81. Начиная с XX века это будут не просто «образцы качества», а искусственно выведенные случаи «литературности» («Слово как таковое» Крученых — Хлебникова), равно как и несколько неожиданные индикации «самого типичного романа в истории литературы» (Шкловский о «Тристраме Шенди»). Подробнее см.: Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: НЛО, 2011. Однако уже скоро тем же протагонистам (теории) литературы — при переходе из модернистского состояния в авангардное — придется отказаться от спецификации литературы в пользу более динамических моделей становления-литературным и технических решений для массовой аудитории. Подробнее см.: Арсеньев П. Техно-формализм, или Развинчивая русскую теорию с Латуром // Новое литературное обозрение. 2019. № 159. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21532/, — особенно главу «Фабрика и полуфабрикаты. Индустриализация и коллективизация литературного производства».

82. Слова У.К. Уильямса о Стайн. Цит. по: Фещенко В. Указ. соч. С. 63.

росте объемов потребляемой информации) и уклониться от социально-технического решения проблемы *ускорения смысла*. Авангард отвечает на это *индустриализацией чтения* — технологическим обновлением дискурсивной инфраструктуры, приводящей в конечном счете к перепрошивке или даже снятию такой (искусственно выделившейся) области, как литература, но последовательно поставить вопрос так станет возможно только после октябрьской версии «революции языка», особенность которой заключается в том, что она немало затрагивала не только область языка, но и более широкую психосоциальную аппаратуру, и в частности в рамках ЛЕФа⁸³.

Браун подчеркивает, что «*чтение машинным способом*» является чисто техническим средством справиться с наличным изобилием текстов, но время от времени он чувствует, что оно чревато ретроактивными эффектами и для писательской техники. Так, в своем манифесте, как бы между делом он замечает: «*быть может, когда машины для чтения войдут в моду, больше не станут писать трилогии*»⁸⁴. Браун многократно подчеркивает, что все описанное им — не телеграфный *стиль* и не средство писать современно (попытки чего к тому моменту уже были весьма распространены), но средство *читать современно*. И все же машина для чтения «самим своим существованием» рано или поздно определяет синтаксис письма.

Индустриальная техника каждый раз, конечно, может быть понята как всего лишь инструмент «литературного ре-нессанса посредством машины для чтения»⁸⁵, однако эстетическое применение машины всегда уже ее социотехнического значения и антропологического диапазона трансформаций. Из этих колебаний можно сделать еще один вывод

83. Многие разработки авангарда, нацеленные на снятие искусства, впоследствии часто вбираются модернизмом (в этом смысле он работает как капитализм с оспаривающими его программами), поэтому практика многих колеблется между ними или даже сочетает их, но все же по отношению к массовой коммуникации и ее материальной инфраструктуре чаще всего можно определить меру принадлежности. См., к примеру, о проекте советской литературы факта, который мы подробно разбираем в: *Арсеньев П. Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов*. М.: НЛО, 2023.

84. Браун Б. Указ. соч. С. 280. Эти обязанные отойти в историю трилогии отсылают к наиболее устоявшейся форме публикации романов в Англии на рубеже веков, см.: *Brake L. The Serial and the Book in Nineteenth-Century Britain: Intersections, Extensions, Transformations*// *Mémoires du livre/Studies in Book Culture*. 2017. Vol. 8. № 2. P. 1–16.

85. Браун Б. Указ. соч. С. 286.

о принципах демаркации, которые мы взялись определить: если всякий модернизм, включая русский, клонит к эстетизации «затруднения восприятия», то всякий авангард, включая американский, — «не только в искусстве, но и в самом человеческом мышлении» — взыскует «более продуктивной простоты», как это определяет Браун⁸⁶. Призывая взглянуть на слова с точки зрения машины, он тем самым встает в линию практических размышлений, уже начатую Ницше и продолженную в будущем Тьюрингом.

«Чтение по своей природе существует для глаза, но не обязательно только для невооруженной оптики <...> глаз можно воспитывать, после чего взгляд устыдится своей прежней невооруженности»⁸⁷. Но если для взгляда в целом нет возможности оставаться не технологизированным, не впадая в стыд, то в случае пользования таким «духовным инструментом», как книга, и подразумеваемым этим инструментом содержанием Браун оставляет некоторые уступки. Зная, что всякое техническое средство становится в будущем принудительным к использованию, он постоянно осторожно оговаривается («читать романы из ста тысяч слов за десять минут, *если хочется* — а мне хочется», «миллионы слов выливаются перед его глазами, спокойно или беспокойно (*как он того захочет*)»⁸⁸. Наряду с тем, как машина определяет литературную технику, она различает и аудиторию по габитусам чтения: «Одни читатели не могут терпеть напряжения при слишком маленьком шрифте, других — рыскающих интеллектуалов — не устраивает слишком крупный двойной боргес»⁸⁹. Другими словами, Браун приходит к выводу, что то, *как* мы читаем, различает нас намного сильнее, чем то, *что* мы читаем.

Библиография

Аванесян А., Хенниг А. Писать рассказ и одновременно действовать довольно сложно // НОЖ. URL: <https://knife.media/club/avanessian-hennig/?ysclid=lv0706jtv42698021>.

Аванесян А., Хенниг А. Поэтика настоящего времени. М.: Издательский центр РГГУ, 2014.

Арватов Б. Искусство и производство. М.: V-A-C Press, 2018.

86. Там же. С. 284.

87. Там же. С. 281.

88. Там же. С. 278.

89. Там же. С. 279.

- Арсеньев П. Видеть за деревьями лес: о дальнем чтении и спекулятивном повороте в литературоведении // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 16–34.
- Арсеньев П. Выходили ли структуры на улицы в XVIII веке? // Неприкосновенный запас. 2020. № 129. С. 268–275.
- Арсеньев П. Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов. М.: НЛО, 2023.
- Арсеньев П. Не продается, но можно // Неприкосновенный запас. 2018. № 1 (117).
- Арсеньев П. Новых медиа не было // Кинема. 2021. № 2. С. 160–171.
- Арсеньев П. От словотворчества к словостроительству: Винокур, Платонов, Третьяков в дискурсивной инфраструктуре авангарда // Новое литературное обозрение. 2022. № 1 (173). С. 34–61.
- Арсеньев П. Техно-формализм, или Развинчивая русскую теорию с Латуром // Новое литературное обозрение. 2019. № 159 URL: https://www.nlo-books.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21532/
- Белинский В. Общее значение слова «литература» // Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Академия наук СССР, 1954. С. 626.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Гете-институт, 1996. С. 34.
- Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 47–234.
- Браун Б. Readies, или Машины для чтения // Трансатлантический авангард. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 287.
- Вагинов К. Труды и дни Свистонова // Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бамбочада. М.: Художественная литература, 1989. С. 157.
- Винокур Г. О революционной фразеологии. Один из вопросов языковой политики // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 106.
- Гастев А. Восстание культуры // Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М.: Экономика, 1966. С. 51.
- Дарнтон Р. Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Джолас Ю. Революция слова. Декларация (1929) // Трансатлантический авангард. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 263–264.
- Джолас Ю. Революция языка и Джеймс Джойс (1928) // Трансатлантический авангард. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 256–262.
- Джолас Ю. Что такое революция языка? (1933) // Трансатлантический авангард. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 323–324.
- Дидро Д. Письмо о книжной торговле. М.: Grundrisse, 2017. С. 97.
- Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: НЛО, 2011.
- Компаньон А. Теория общего места // #12 [Транслит]: Очарование клише. СПб., 2012.
- Кракауэр Э. Жак Оффенбах и Париж его времени. М.: Аграф, 2000. С. 85.
- Малларме С. Книга, орудие духа (1895) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 427–428.
- Малларме С. Кризис стиха [1896] // Сочинения в стихах и прозе / Пер. с фрр. И. Стаф. М.: Радуга, 1995.
- Малларме С. Предисловие к «Трактату о слове» Рене Гийя (1886) // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 429–432.

- Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме // Носорог. 2014. № 1. С. 179–223.
- Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.
- Миличина В. Париж в 1818–1848 годах. Повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 381–382.
- Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 89–90.
- Стивенс П. Общий указатель авангарда: концептуальное письмо, информационная асимметрия и избыток данных // #21 [Транслит]: К новой поэтике. СПб., 2018.
- Томашевский Б. У истоков фельетона (фельетон в *Journal des Débats*) // Общество изучения художественной словесности / Под ред. Ю. Тынянова и Б. Казанского. Л.: Academia, 1927. С. 68.
- Третьяков С. Новый Лев Толстой // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 34–38.
- Тынянов Ю. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–269.
- Фещенко В. Лондон—Нью-Йорк—Париж: Трансатлантические рейсы англоязычного авангарда // Трансатлантический авангард. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 11–17, 73–94.
- Фещенко В. Трансатлантический авангард. Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016.
- Эко У. От интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // umbertoeco.ru. URL.: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst>.
- Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // *Positions* (1964–1975). P.: Les Éditions sociales, 1976. P. 67–125.
- Bernstein C. Gertrude Stein taunts Hitler in 1934 and 1945 // *Jacket* 2. May 9. 2012.
- Brake L. The Serial and the Book in Nineteenth-Century Britain: Intersections, Extensions, Transformations // *Mémoires du livre / Studies in Book Culture*. 2017. Vol. 8. № 2. P. 1–16.
- Debray R. *Manifestes médiologiques*. P.: Gallimard, 1994.
- Derrida J. *De la grammatologie*. P.: Éditions de Minuit, 1967.
- Freud S. Recommendations to Physicians Practising Psycho-analysis (1912) // *Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. 12. P. 115–116 (URL: <https://pep-web.org/browse/document/SE.012.0000A?index=27&page=PR0004>).
- Gouvard J.-M. Le Spleen de Paris de Charles Baudelaire: des «petits genres journalistiques» aux «petits poèmes en prose» // *Mémoires du livre. Studies in Book Culture*. 2017. T. 8(2).
- Gragonetti R. Un Fantôme dans le kiosque. Mallarmé et l'esthétique du quotidien. P.: Seuil, 1992.
- Gumbrecht H.U. A Farewell to Interpretation // *Materialities of Communication*. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 389–402.
- Gumbrecht H.U., Pfeiffer K.L. (eds). *Materialities of Communication*. Stanford: Stanford University Press, 1994.
- James W. The Gospel of Relaxation // *Writings, 1878–1899*. N.Y.: Library of America, 1992. P. 832.
- Kittler F. *Gramophone, Film, Typewriter*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 278.
- Lamartine A. de. De la politique rationnelle // *La revue européenne*. 1831. T. 2. P. 127.
- Lanne J.-C. Le discours court: vitesse et modernité dans la poésie de l'avant-garde russe au début du XXe siècle // *Modernités Russes*. 2000. № 2. Vitesse et modernité. P. 25–47.
- Mallarmé S. *Correspondance*. Vol. 3 (1886–1889) / H. Mondor, L.J. Austin (eds). P.: Gallimard, 1969. P. 67.

- Mallarmé S. Sur l'Évolution littéraire (1891)//Œuvres complètes, édition présentée, établie et annotée par H. Mondor et G. Jean-Aubry. P.: Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1945. P. 867.
- Pound E. Small Magazines//English Journal. 1930. Vol. 19. № 9. P. 699.
- Proust M. Sentiments filiaux d'un parricide//Pastiches et Mélanges. P.: Éditions de la NRF, 1921. P. 211–224.
- Sainte-Beuve Ch.-A. De la littérature industrielle//Revue des Deux Mondes. Période initiale. Paris: Bureau de la Revue des Deux Mondes, 1839. T. 19. P. 677.
- Siebert B. Switchboards and Sex: The Nut(t) Case//Inscribing Science: Scientific Texts and the Materiality of Communication/T. Lenoir (ed.). Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 78–90.
- Skinner B. F. Has Gertrude Stein a Secret//Atlantic Monthly. January 1934. № 153. P. 50–57.
- Solomons L. & Stein G. Normal Motor Automatism//Psychology Review. September 1896.
- Stein G. A Primer for the Gradual Understanding of Gertrude Stein. Los Angeles: Black Sparrow, 1971. P. 33.
- Stein G. Cultivated Motor Automatism: A Study of Character in Its Relation to Attention//Psychological Review. 1898. Vol. 5. № 3. P. 299.
- Stein G. Reflection on the Atomic Bomb//Writings, 1932–1946/C.R. Stimpson, H. Chessman (eds.). N.Y.: Library of America, 1998. P. 823.
- Stephens P. Poetics of information overload. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015.
- Will B. Gertrude Stein, Modernism, and the Problem of “Genius”. Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2000. P. 55.
- Zachmann G. Frameworks for Mallarmé: The Photo and the Graphic of an Interdisciplinary Aesthetic. Albany: SUNY Press, 2008.

From a “Spiritual Instrument” to a “Moving Type Spectacle”: Mallarmé, Stein, and Brown in the Discursive Infrastructure of Modernism

Pavel Arsenev. Eur'Orbem, Sorbonne Université, Paris, France,
lartpaulars@gmail.com.

Since the nineteenth century, newspapers have contributed to the democratization and industrialization of reading, establishing an increasingly distinct front between the advocates of these processes and those literary practices committed to the “de-automatization” of linguistic production. Many authors of the late nineteenth and early twentieth centuries construct their definition of poetic language precisely through its contrast or resonance with newspaper language. Thus, Stéphane Mallarmé asserts that poetry in language exists wherever there is rhythm — “except on the fourth page of the newspapers.” Gertrude Stein makes the rhythm of the teletype into the technological unconscious of the literary technique of “stream of consciousness,” yet she continues to regard “newspaper time” as false. Finally, Ezra Pound defines poems as “news that stays news,” thereby also betraying the opposition of his poetics to the operations of the rotary press. Only Bob Brown — a journalist close to the avant-garde — proposes to industrialize reading itself. To this end, he envisions “a moving type spectacle,” which is meant not only to transform the act of reading but also to reshape the very nature of literary creation in adaptation to this apparatus. This brings him closest to the Soviet project of an industrial revolution of language, within which newspaper language ceases to serve as the constitutive antithesis of the literary, and

the very genre and medial form of the newspaper becomes “our epic” (Sergei Tret'yakov). The first article in this series on the discursive infrastructure of modernism examines whether it is possible to determine the specificity of newspaper speech and to rehabilitate verbal mechanization as a discursive effect of industrial modernity within the poetics of Western European modernism.

Keywords: *newspaper; modernism; Stéphane Mallarmé; Gertrude Stein; Bob Brown.*

References

- Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat. Positions* (1964–1975), Paris, Les Éditions sociales, 1976, pp. 67–125.
- Arsen'ev P. *Literatura fakta i proekt literaturnogo pozitivizma v Sovetskom Soyuze 1920-kh godov* [The Literature of Fact and the Project of Literary Positivism in the Soviet Union of the 1920s], Moscow, NLO, 2023.
- Arsen'ev P. Ne prodaetsya, no možhno [Not for Sale, but You Can], *Neprikosnovennyi zapas*, 2018, no. 1 (117).
- Arsen'ev P. Novykh media ne bylo [There Were No New Media]. *Kinema*, 2021, no. 2, pp. 160–171.
- Arsen'ev P. Ot slovotvorchestva k slovostroitel'stvu: Vinokur, Platonov, Tret'yakov v diskursivnoy infrastrukture avangarda [From Word Creation to Word Construction: Vinokur, Platonov, Tret'yakov in the Discursive Infrastructure of the Avant-garde], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022, no. 1 (173), pp. 34–61.
- Arsen'ev P. Tekhno-formalizm, ili Razvinchivaya russkuyu teoriyu s Laturov [Techno-Formalism, or Disassembling Russian Theory with Latour]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 159. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21532/.
- Arsen'ev P. Videt' za derev'yami les: o dal'nem chtenii i spekulativnom povorote v literaturovedenii [Seeing the Forest for the Trees: On Distant Reading and the Speculative Turn in Literary Studies], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, no. 150, pp. 16–34.
- Arsen'ev P. Vykhodili li struktury na ulitsy v XVIII veke? [Did Structures Take to the Streets in the 18th Century?], *Neprikosnovennyi zapas*, 2020, no. 129, pp. 268–275.
- Arvatov B. *Iskusstvo i proizvodstvo* [Art and Production], Moscow, V-A-C Press, 2018.
- Avanesyan A., Khennig A. Pisat' rasskaz i odnovremenno deistvovat' dovol'no slozhno [Writing a Story and Acting at the Same Time is Quite Difficult], *NOZh*. URL: <https://knife.media/club/avanessian-hennig/?ysclid=lv0706jtv42698021>.
- Avanesyan A., Khennig A. *Poetika nastoyashchego vremeni* [The Poetics of the Present Time], Moscow, Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2014.
- Belinsky V. Obshchee znachenie slova “literatura” [The General Meaning of the Word “Literature”], *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 5, Moscow, Akademiya Nauk SSSR, 1954, p. 626.
- Benjamin W. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti [The Work of Art in the Age of Its Technical Reproducibility]. *Izbrannye esse* [Selected Essays], Moscow, Gete-institut, 1996, p. 34.
- Benjamin W. Shar'l Bodler. Poët v epokhu zrelogo kapitalizma [Charles Baudelaire. A Poet in the Age of Mature Capitalism]. *Maski vremeni. Esse o kulture i literature* [Masks of Time: Essays on Culture and Literature], St. Petersburg, Simpozium, 2004, pp. 47–234.
- Bernstein C. Gertrude Stein taunts Hitler in 1934 and 1945, Jacket 2, May 9, 2012.
- Brake L. The Serial and the Book in Nineteenth-Century Britain: Intersections, Extensions, Transformations, *Mémoires du livre/Studies in Book Culture*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 1–16.
- Brown B. Readies, ili Mashiny dlya chteniya [Readies, or Machines for Reading]. *Transatlanticheskii avangard* [Transatlantic Avant-Garde], SPb., Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, p. 287.

- Compagnon A. Teoriya obshchego mesta [Theory of the Commonplace], Translit, 2012, no. 12.
- Darnton R. *Poeziya i politsiya. Set' kommunikatsiy v Parizhe XVIII veka* [Poetry and Po-lice: Communication Networks in Eighteenth-Century Paris], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Debray R. *Manifestes médiologiques*, Paris, Gallimard, 1994.
- Derrida J. *De la grammatologie*, Paris: Editions de Minuit, 1967.
- Diderot D. *Pis'mo o knizhnoy torgovle* [Letter on Book Trade], Moscow, Grundrisse, 2017, p. 97.
- Eco U. Ot interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst [From Internet to Gutenberg: Text and Hypertext]. *umbertoeco.ru*. URL: <http://umbertoeco.ru/ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst>.
- Feshchenko V. London – N'yu-Iork – Parizh: Transatlanticheskie reisy angloyazychnogo avangarda [London – New York – Paris: Transatlantic Flights of the English-Language Avant-Garde]. *Transatlanticheskii avangard* [Transatlantic Avant-Garde]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, pp. 11–17, 73–94.
- Feshchenko V. Transatlanticheskii avangard. Anglo-amerikanskije literaturnye dvizheniya (1910–1940). Programmnye dokumenty i teksty [Transatlantic Avant-Garde. Anglo-American Literary Movements (1910–1940). Program Documents and Texts], Saint Petersburg, Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018.
- Freud S. Recommendations to Physicians Practising Psycho-analysis (1912). *Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, vol. 12, pp. 115–116. URL: <https://pep-web.org/browse/document/SE.012.0000A?index=27&page=PR0004>.
- Gastev A. Vosstanie kultury [The Uprising of Culture]. *Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to Work: A Practical Introduction to the Science of Labor Organization], Moscow: Ekonomika, 1966, p. 51.
- Gouvard J.-M. Le Spleen de Paris de Charles Baudelaire: des “petits genres journalistiques” aux “petits poèmes en prose”. *Mémoires du livre/Studies in Book Culture*, 2017, vol. 8, no. 2.
- Gragonetti R. Un Fantôme dans le kiosque: Mallarmé et l'esthétique du quotidien, Paris, Seuil, 1992.
- Gumbrecht H. U. *A Farewell to Interpretation. Materialities of Communication*. Stanford: Stanford University Press, 1994, pp. 389–402.
- Gumbrecht H. U., Pfeiffer K. L. (eds). *Materialities of Communication*, Stanford, Stanford University Press, 1994.
- Habermas J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society], Moscow, Ves' mir, 2016.
- Jaccard J.-Ph. *Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: Izbrannye raboty o russkoy slovesnosti* [Literature as Such: From Nabokov to Pushkin: Selected Works on Russian Literature], Moscow, NLO, 2011.
- James W. The Gospel of Relaxation. *Writings, 1878–1899*, New York, Library of America, 1992, p. 832.
- Jolas Y. Chto takoe revolyutsiya yazyka? (1933) [What is the Revolution of Language? (1933)]. *Transatlanticheskii avangard* [Transatlantic Avant-Garde], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, pp. 323–324.
- Jolas Y. Revolyutsiya slova. Deklaratsiya (1929) [Revolution of the Word: Declaration (1929)]. *Transatlanticheskii avangard* [Transatlantic Avant-Garde], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, pp. 263–264.
- Jolas Y. Revolyutsiya yazyka i Dzheyms Dzhoys (1928) [The Revolution of Language and James Joyce (1928)]. *Transatlanticheskii avangard* [Transatlantic Avant-Gar-

- de], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018, pp. 256–262.
- Kittler F. *Gramophone, Film, Typewriter*, Stanford, Stanford University Press, 1999, p. 278.
- Kracauer S. *Zhak Offenbakh i Parizh yego vremeni* [Jacques Offenbach and Paris of His Time]. Moscow: Agraf, 2000, p. 85.
- Lamartine A. de. De la politique rationnelle. *La revue européenne*, 1831, vol. 2, p. 127.
- Lanne J.-C. Le discours court: vitesse et modernité dans la poésie de l'avant-garde russe au début du XXe siècle, *Modernités Russes*, 2000, no. 2, pp. 25–47.
- Mallarmé S. Correspondance. Vol. 3 (1886–1889) (eds H. Mondor, L.J. Austin), Paris, Gallimard, 1969, p. 67.
- Mallarmé S. *Kniga, orudie dukha* (1895) [The Book, a Spiritual Instrument (1895)]. *Poeziya frantsuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Maldorora* [Poetry of French Symbolism. Lautréamont. Songs of Maldoror], Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1993, pp. 427–428.
- Mallarmé S. *Krizis stikha* [1896] [The Crisis of Verse (1896)]. *Sochineniya v stikhakh i proze* [Collected Works in Verse and Prose], Moscow: Raduga, 1995.
- Mallarmé S. Predislovie k «Traktatu o slove» Rene Gilya (1886) [Preface to “The Treatise on the Word” by René Ghil (1886)]. *Poeziya frantsuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Maldorora* [Poetry of French Symbolism. Lautréamont. Songs of Maldoror], Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1993, pp. 429–432.
- Mallarmé S. Sur l'Evolution litteraire (1891). Œuvres complètes (édition présentée, établie et annotée par H. Mondor et G. Jean-Aubry), Paris, Gallimard, coll. “Bibliothèque de la Pléiade”, 1945, p. 867.
- Meillassoux Q. *Chislo i sirena. Chtenie “Broska kostey” Mallarmé* [The Number and the Siren: A Reading of Mallarmé's “Un Coup de Dés”], *Nosorog*, 2014, no. 1, pp. 179–223.
- Metz Ch. *Voozbrazhaemoe oznachayushchee. Psikhooanaliz i kino* [The Imaginary Signifier: Psychoanalysis and Cinema], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010.
- Mil'china V. *Parizh v 1818–1848 godakh. Povsednevnyaya zhizn'* [Paris in 1818–1848: Everyday Life], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, pp. 381–382.
- Moretti F. *Dal'nee chtenie* [Distant Reading], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2016, pp. 89–90.
- Pound E. Small Magazines. *English Journal*, 1930, vol. 19, no. 9, p. 699.
- Proust M. Sentiments filiaux d'un parricide. Pastiches et Mélanges. Paris: Éditions de la NRF, 1921, p. 211–224.
- Sainte-Beuve Ch.-A. De la littérature industrielle. *Revue des Deux Mondes. Période initiale*, Paris, Bureau de la Revue des Deux Mondes, 1839, t. 19, p. 677.
- Siegert B. *Switchboards and Sex: The Nut(t) Case. Inscripting Science: Scientific Texts and the Materiality of Communication* (ed. T. Lenoir), Stanford, Stanford University Press, 1998, pp. 78–90.
- Skinner B.F. Has Gertrude Stein a Secret. *Atlantic Monthly*. January 1934, no. 153, pp. 50–57.
- Solomons L. & Stein G. Normal Motor Automatism. *Psychology Review*. September 1896.
- Stein G. *A Primer for the Gradual Understanding of Gertrude Stein*. Los Angeles: Black Sparrow, 1971, p. 33.
- Stein G. Cultivated Motor Automatism: A Study of Character in Its Relation to Attention. *Psychological Review*, 1898, vol. 5, no. 3, p. 299.
- Stein G. Reflection on the Atomic Bomb. *Writings, 1932–1946* (eds. C.R. Stimpson, H. Chessman), New York, Library of America, 1998, p. 823.
- Stephens P. *Obshchii ukazatel' avangarda: kontseptual'noe pis'mo, informatsionnaya asimmetriya i izbytok dannykh* [General Index of the Avant-garde: Conceptual Writing, Informational Asymmetry, and Data Excess]. #21 [Translit]: *K novoi poetike* [Towards a New Poetics], Saint Petersburg, 2018.

- Stephens P. *Poetics of information overload*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2015.
- Tomashevskii B. U istokov fel'etona (fel'eton v Journal des Débats) [At the Origins of the Feuilleton (Feuilleton in Journal des Débats)]. *Obshchestvo izucheniya khudozhestvennoi slovesnosti* [Society for the Study of Literary Art] (eds Yu. Tynyanov, B. Kazanskii), Leningrad, Academia, 1927, p. 68.
- Tret'yakov S. Novyi Lev Tolstoi [The New Leo Tolstoy], *Novyi LEF*, 1927, no. 1, pp. 34–38.
- Tynyanov Yu. Literaturnyi fakt [The Literary Fact]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema], Moscow, Nauka, 1977, pp. 255–269.
- Vaginov K. Trudy i dni Svistonova [The Works and Days of Svistonov]. *Kozlinaya pesn'. Trudy i dni Svistonova. Bambochada* [The Goat Song. The Works and Days of Svistonov. Bambochada], Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1989, p. 157.
- Vinokur G. O revolyutsionnoi frazeologii. Odin iz voprosov yazykovoy politiki [On Revolutionary Phraseology. One of the Issues of Language Policy], *LEF*, 1923, no. 2, p. 106.
- Will B. *Gertrude Stein, Modernism, and the Problem of "Genius"*, Edinburgh, University of Edinburgh Press, 2000, p. 55.
- Zachmann G. *Frameworks for Mallarmé: The Photo and the Graphic of an Interdisciplinary Aesthetic*, Albany, SUNY Press, 2008.